

О некоторых проблемах, связанных с производством комплексной психолого-лингвистической экспертизы продуктов речевой деятельности

К. И. Бринев¹, М. Г. Куликова²

¹Хэнаньский университет

ул. Реньмин, 58, Кайфын, Китай. E-mail: brinevk@yandex.ru

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, 1, стр. 13, 119991, Москва, Россия. E-mail: m.kulikova@sudexpra.ru

В статье обсуждаются вопросы, касающиеся участия психолога в проведении комплексных психолого-лингвистических экспертиз текстов. Исследуется теория лингвистического и психологического содержания правовых понятий в свете традиционного понимания экспертной деятельности. Устанавливается, что экспертные исследования, основанные на такой теории, представляют собой принятие юридических решений, а не установление фактов с применением специальных познаний. Рассматриваются основные проблемы, которые возникают при производстве психолого-лингвистической экспертизы в части выявления цели речевого произведения и результата речевого воздействия. Авторы ставят под сомнение обоснованность существующих подходов по выявлению психологических компонентов текста (психологическая направленность, социальные установки автора и социальные установки, формируемые у адресата). Ставится вопрос о соотношении психологической направленности текста с умыслом и иллокутивной целью, а также о соотношении социальных установок, формируемых у адресата, с перлокутивной целью и фактическим результатом речевого воздействия. Обоснования требуют, с точки зрения авторов, как сам факт существования таких психологических компонентов текста, так и возможность их извлечения из текста психологическими методами. В статье рассматриваются примеры эффективного взаимодействия психолога и лингвиста при проведении комплексной экспертизы.

Ключевые слова: комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, пределы компетенции экспертов.

On Some Issues of Comprehensive Psychological and Linguistic Expertise of Speech Products

K. I. Brinev¹, M. G. Kulikova²

¹Henan University

Renmin Avenue, 58, Kaifeng, China. E-mail: brinevk@yandex.ru

²Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory St., bldg. 13A, Moscow, Russia. E-mail: m.kulikova@sudexpra.ru

The article has discussed the issues relating to the involvement of a psychologist in conducting comprehensive psychological and linguistic investigations of texts. The theory of the linguistic and psychological content of legal concepts has been examined in the light of the traditional understanding of expert work. It has been argued that expert studies based on such a theory constitute legal decision-making rather than fact-finding through the use of specialized knowledge. The main problems that arise in the psychological and linguistic expertise in terms of identifying the purpose of the speech product and the outcome of the speech impact have been considered. The authors have questioned the validity of existing approaches to identifying the psychological components of the text (psychological orientation, social attitudes of the author and social attitudes formed in the addressee). The question has been raised as to the correlation between the psychological line of text and the intention and illocutionary purpose, as well as the correlation between the social attitudes formed in the addressee and the perlocutionary purpose and the actual result of the speech effect. According to the authors, both the fact of the existence of such psychological components of the text and the possibility of extracting them from the text by psychological

methods require justification. The examples of effective interaction between a psychologist and a linguist in comprehensive expertise have been discussed in the article.

Key words: comprehensive psychological and linguistic expertise, scope of experts' competence.

Настоящая статья является продолжением обсуждения проблем, которые связаны с производством судебной психолого-лингвистической экспертизы, начатого нами в [Бринев 2012]. Практика назначения комплексных психолого-лингвистических экспертиз в последние годы получила распространение. Если изначально вопрос об участии психолога ставился применительно к статьям, связанным с экстремизмом и терроризмом (ст. 280, ст. 205.2, ст. 282 УК РФ), то в настоящее время спектр уголовных преступлений и гражданских деликтов, при расследовании (рассмотрении) которых назначается психолого-лингвистическая экспертиза, значительно расширился. Так, например, некоторые исследователи включают в этот перечень дела о преступлениях коррупционной направленности, о склонении и побуждении к самоубийству, об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, о защите чести, достоинства и деловой репутации, рекламе и пропаганде наркотиков и др. Судебно-экспертная практика свидетельствует о наличии неразрешенных теоретических и практических вопросов, которые препятствуют эффективному взаимодействию лингвистов и психологов. В частности, возникают вопросы об избыточности психологических задач в рамках комплексных экспертиз (в том смысле, что психолог в своей части описывает те же факты, что и лингвист); о противоречивости психологических и лингвистических описаний одних и тех же фактов; не разрешен вопрос о методах и способах извлечения психологической информации из текста; сохраняет актуальность вопрос о выходе за пределы компетенции и вынесении экспертами правовых оценок и т. д.

Постановка вопросов, предложенных в данной работе, необходима, по нашему мнению, прежде всего для улучшения психолого-лингвистической экспертизы, в частности для улучшения взаимопонимания психолога и лингвиста при производстве экспертизы и для формирования четкого представления о том, какие задачи способен решать и какие результаты способен получить каждый из специалистов, участвующих в проведении экспертизы. Это необходимо обсуждать еще и потому, что при отсутствии такого взаимопонимания всегда остается возможность выхода за пределы своей компетенции либо в смежную область знания, либо в юридическую сферу.

Концепция подхода. В статье развивается традиционный взгляд на экспертную деятельность как деятельность, которая направлена на установление фактов, при этом таких фактов, которые, во-первых, не могут быть установлены без привлечения лица, обладающего специальными познаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, а во-вторых, являются юридически значимыми. Согласно этой концепции, факты существуют независимо от права и любой правовой нормы. Правовые нормы представляют собой утверждения о линиях поведения относительно фактов: некоторые из фактов нормами запрещаются, некоторые разрешаются, а некоторые являются для норм безразличными. Другими словами, факты существуют реально и закономерности в области фактов также существуют реально, и первые, и вторые существовали бы, даже если бы по каким-то причинам никогда не существовало права. Отрасли науки описывают факты и закономерности, именно поэтому назначаются судебные экспертизы: предполагается, что без привлечения знаний из научных отраслей невозможно установить требуемый факт. Это означает, что такие явления, как коммуникативные намерения иллокутивного или перлокутивного порядка, перлокутивные эффекты, значения, референция, психологические состояния и т. д. существуют сами по себе и независимы от права, они, по нашему мнению, существовали и задолго до появления права в любом приемлемом юридическом значении слова «право»¹.

В ряде известных нам работ по психологической экспертизе [Кукушкина и др. 2022; Кукушкина и др. 2011; Леонтьев 2019; Секераж 2021] постулируется идея о психологическом содержании юридических понятий (таких как «возбуждение ненависти и вражды», «унижение достоинства человека», «угроза», «побуждение» и др.), что, с точки зрения исследователей, является основанием для привлечения психолога к проведению экспертизы продуктов речевой деятельности и информационных материалов. Тот факт, что в тексте правовой нормы используются такие же (или похожие) термины, как в психологии, дает основание авторам говорить о наличии психологической стороны того явления, которое описано в правовой норме. При этом указывается, что правовое понятие отличается от научного. В работах некоторых исследователей идея о психологическом содержании юридических понятий трансформируется в концепцию «экстремистских» значений, которые описаны в правовой норме, запрещены для распространения и содержат, наряду с лингвистическими, психологические признаки.

В свете описанного нами традиционного подхода к пониманию экспертной деятельности очевидно, что экспертиза не назначается для толкования норм права² при помощи терминов каких-либо дисциплин (лингвистики или психологии), также она не назначается и для перетолкования «правовых понятий», которые, по мнению исследователей, несут психологический или лингвистический смысл. Например, целью почерковедческой экспертизы не является перетолкование юридического понятия «подделка документа» через термин «измененный почерк». Изменение почерка – это объективный факт, а не понятие права или почерковедческой экспертизы, он может быть установлен (или в силу каких-то причин не установлен), и, будучи установленным, данный факт получает юридическую оценку.

¹ Подробнее о дуализме фактов и решений и проблеме их смешения см. [Бринев 2012; Бринев 2017].

² Напомним, что толкование норм права является частью юридической деятельности, а не лингвистики.

Из сказанного выше следует, что в языке и речи не существует таких вещей, как, например, экстремистские значения (независимо от того, берем ли мы это словосочетание в кавычки или нет), не существует и таких вещей, как признаки пропаганды, признаки оскорбления, лингвистические признаки унижения³ и т. п. Методики, построенные на идее существования таких явлений, свидетельствуют лишь о том, что экспертные исследования проводятся из-под юридической оценки и представляют собой не описание фактов, а вынесение юридических решений, то есть, по сути, такие экспертные исследования не основаны на применении специальных познаний, а являются вынесением вердикта⁴ по поводу фактов.

Рассмотрим основные проблемы, которые возникают при производстве психолого-лингвистической экспертизы, относительно параметра цели речевого произведения, а также параметра результата речевого произведения.

Коммуникативное намерение (цель). В теоретических и методических разработках по психолого-лингвистической экспертизе предмет психологического исследования сводится к определению направленности текста (смысловой [Ратинов и др. 2005] или социально-психологической [Кукушкина и др. 2022; Кукушкина и др. 2011; Секераж 2021]). Необходимость определения направленности текста выводится из правовой формулировки «действия, направленные на...» (ст. 282 УК РФ) [Кукушкина и др. 2022: 18-19].

Лингвистическая экспертиза (в рамках которой устанавливается коммуникативная цель высказывания в случаях, когда это необходимо) отказалась от ответов на вопрос о направленности текста или речевого произведения. Это возникло из понимания нетождественности умысла правонарушения и коммуникативных целей (а также сопровождающих эти цели условий искренности употребления речевых актов). Направленность как умысел и направленность как целевой компонент текста не равны между собой. Текстовые целевые факты являются значимыми для оценки умысла, но они не тождественны последнему.

Умысел не может быть реконструирован из текста или отдельного речевого произведения, так как его наличие/отсутствие является юридической оценкой всей совокупности фактов по конкретному делу. Даже если предположить такую ситуацию, что во всех спорных текстах, которые рассматриваются в судебном разбирательстве, автор всегда в начале текста прямо формулировал бы так называемую направленность этого текста⁵, то такая формулировка являлась бы не более чем выражением русского языка с иллокутивной целью репрезентатива и условиями искренности «убежден, что Р», и не являлась бы направленностью в смысле умысла, потому что всегда остается вероятность того, что текст написан, например, под дулом пистолета. Нужно также напомнить, что признание вины в праве не является каким-то привилегированным доказательством по делу (самооговоры все-таки существуют), оно оценивается в сопоставлении с другими фактами. Поэтому даже в самых «ясных» случаях, когда исполняется, например, такое речевое действие, как оскорбление, из него не вытекает наличие направленности в смысле умысла (последний еще предстоит доказать или опровергнуть), но присутствует направленность только в коммуникативном смысле: говорящий знает, что Р оскорбительно, и употребляет Р (иногда также можно установить лингвистическими методами, что говорящий ведет себя так, как если бы он хотел оскорбить слушающего).

Таким образом, лингвистическая экспертиза весьма закономерно исключила вопрос о направленности речевого произведения, так как он не может быть решен на основе специальных познаний в области лингвистики, являясь предметом сугубо юридической оценки (в лингвистическом аспекте представляя собой вердикт в остиновском понимании вердиктов), тогда как в психологической части исследования этот вопрос считается разрешимым и значимым. Если считать этот подход обоснованным, тогда у нас имеется третий вид направленности⁶ в каком-то исключительно психологическом смысле, причем этот третий вид направленности может быть извлечен из текста психологическими методами.

Проиллюстрируем это конкретным примером. В иллокутивном отношении речевой акт вопроса согласуется с условием искренности 'говорящий хочет знать ответ на вопрос'. Безусловно, что вопросы иногда употребляются с неискренними установками. Из самого речевого акта невозможно установить, искренен ли был говорящий, когда задавал вопрос, поэтому лингвист вынужден констатировать, что вопрос задается, как если бы говорящий хотел знать на него ответ. Согласно концепции психологической направленности текста в такой ситуации существует возможность установить реальную направленность этого вопроса при помощи психологических методов. Если такие методы действительно существуют, то и направленность в таком (третьем) смысле также существует. Однако это вызывает некоторые сомнения. Вполне вероятно, что психолог может установить, был ли конкретный вопрос искренним или нет, но предполагаем, что он не может этого установить по самому вопросу (по спорному тексту), для того чтобы это сделать ему, как, впрочем, и лингвисту, потребуется исследовать массив текстов, на основе которых можно будет установить противоречивость иллокуций и сделать вывод о неискренности исходного вопроса.

Здесь стоит отметить также, что обозначенная нами проблема не разрешается и путем анализа таких «психологических компонентов текста», как «социальные установки автора». На наш взгляд, очевидно, что одно и то же речевое действие может соответствовать разным социальным установкам, а имеющиеся в тексте денотативный,

³ Вряд ли в токсикологических исследованиях существуют утверждения, согласно которым мышьяк является химическим признаком лишения жизни, и вряд ли перед искомым экспертом ставится вопрос: «Содержатся ли в трупе химические признаки лишения жизни?». Тогда как вопросы вида: «Содержатся ли в высказывании лингвистические признаки унижения?» считаются вполне приемлемыми в лингвистической экспертизе.

⁴ Слово «вердикт» в данном случае мы употребляем, вкладывая в него остиновское понимание вердиктивных высказываний.

⁵ Например, в листовках перед основным текстом имелось бы такое высказывание: «Текстом, который последует далее, я хочу разжечь религиозную рознь».

⁶ Первый, как мы уже отметили, – это умысел, второй – коммуникативная цель.

оценочный и иллюкутивный компоненты не равнозначны когнитивному, аффективному и поведенческому компоненту установки. Например, наличие в тексте выраженной негативной оценки объекта не является достаточным основанием утверждать, что у автора текста имеется устойчивое сформировавшееся негативное отношение к данному объекту. Высказывание, содержащее призывы к действиям, направленным против представителей той или иной нации, может произноситься субъектом, не имеющим враждебной установки, а руководствующимся мотивом получения политической или материальной выгоды от конфликта, который он провоцирует, или мотивом личной неприязни. Из сказанного следует, что попытка выявить проявленные в тексте социальные установки сводится к установлению фактов внутриспсихической деятельности человека через текст (что противоречит концепции особого объекта исследования в психологической экспертизе информационных материалов⁷) и к определению мотивов действия, а не описанию самого речевого или коммуникативного действия⁸.

Таким образом, наличие некоей направленности в тексте, которая была бы противопоставлена умыслу (юридический аспект) и коммуникативной цели и условиям искренности (лингвистический аспект) требует своего обоснования, в противном случае мы будем вынуждены признать, что психологическая часть исследования взяла на себя юридическую квалификацию фактов, от которой ранее весьма обоснованно отказалась лингвистика. Отметим также, что категория направленности в работах по психологической экспертизе информационных материалов понимается весьма специфическим образом, что дает возможность сделать предположение об отсутствии представления у психологов о возможности смешения юридических и иных аспектов проблемы. Так, например, предлагается проведение психологической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ) с целью установления наличия или отсутствия направленности публикации на формирование у адресата негативного образа лица. Постановка такой задачи косвенно свидетельствует о том, что в психологической экспертизе отсутствуют представления о составе правонарушения и его элементах, а вследствие этого отсутствует и представление о необходимости разграничения юридических и иных аспектов так называемой направленности: в рамках ст. 152 ГК РФ вопрос о направленности публикации не имеет никакого значения. Порочащие сведения в форме утверждения о фактах подлежат опровержению, независимо от направленности текста (даже в случае, если текст направлен на восстановление справедливости в обществе или на любые другие благие цели, при этом неважно, считал ли говорящий сообщаемые сведения истинными или знал, что они ложные).

Результат речевого произведения (перлокутивный эффект). В лингвистической теории установлено, что коммуникативная цель высказывания сопряжена с формированием определенных линий поведения как адресанта, так и адресата. Так, перлокутивная цель речевого акта включает обязательства, которые берет на себя говорящий, произнося то или иное речевое произведение, а также определенную реакцию адресата на сказанное. Речевой акт вопроса, к примеру, в перлокутивном аспекте содержит предполагаемую реакцию адресата в виде ответа на вопрос и принятое адресантом обязательство выслушать этот ответ, а речевой акт угрозы сопряжен с обязательством говорящего выполнить названные действия и реакцией адресата в виде изменения его эмоционального состояния (возникновение эмоции страха) и/или поведения (совершение побуждаемого действия). Из этого, однако, не следует, что фактический результат коммуникации будет таким же: так, спрашивающий вполне может по какой-либо причине прервать коммуникацию или изменить ее ход, не выслушав ответа, а адресат волен отвечать на вопрос, игнорировать его или поступить любым иным способом.

Вполне очевидно, что фактическое воздействие на адресата не может быть установлено на основании анализа текста. Кроме того, фактическое воздействие не является юридически значимым фактом при расследовании правонарушений с формальным составом (психолого-лингвистическая экспертиза текста назначается, как правило, именно по таким делам). При психологическом исследовании информационных материалов предполагается выявление такого компонента направленности, как «социальные установки, целенаправленно формируемые автором у адресата». Если допустить обоснованность такого подхода, то мы вновь имеем дело с некими фактами психологического характера, которые не тождественны перлокутивной цели и фактическому результату коммуникации и могут быть извлечены из текста психологическими методами. Если под таким психологическим компонентом понимается выраженный в тексте предполагаемый результат (социальная установка адресата), а социальная установка при этом представляет собой устойчивую систему убеждений, аффективных реакций, оценок, эмоций, поведенческих тенденций и т. д.⁹, то возникает закономерный вопрос, может ли формирование такой установки быть закодировано в семантике одного высказывания или текста. Анализ экспертной практики [Сборник примеров заключений... 2020] показывает, что при решении данной задачи эксперт-психолог часто дублирует

⁷ При проведении экспертизы информационных материалов, по мнению авторов такой концепции, исследуется само событие (речевое или коммуникативное действие) и оценке подлежат особенности материала, а не психологические качества и состояния автора, что противопоставлено традиционной психологической экспертизе, где предметом исследования являются особенности психической деятельности подэкспертного лица, а текстовые и иные информационные материалы могут использоваться в качестве источников информации об этих особенностях [Секераж 2019: 38].

⁸ Полагаем, что информация об имеющихся у автора социальных установках имеет значение для установления субъективной стороны состава преступления. Например, наличие враждебной, «ксенофобской» социальной установки по отношению к той или иной группе лиц (описанной, например, в [Кроз, Ратинова 2005]) значимо для определения мотива расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, который являетсяотягчающим обстоятельством, в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, а также входит в субъективную сторону состава некоторых преступлений (например, ст. 280 и 282, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ и др.). Однако такая юридически значимая информация не выводится из текста, продукты речевой деятельности в такой ситуации являются одним из источников информации, а не объектом исследования.

⁹ См., например [Кукушкина и др. 2011: 167].

информацию, содержащуюся в лингвистической части исследования. Например, вывод о наличии социально-психологической направленности текста на формирование готовности адресата к совершению действия присутствует в тех случаях, когда лингвист выявил наличие побуждений в тексте. Оба эксперта описывают речевое поведение говорящего: «формирование готовности к совершению действия» тождественно «побуждению», данные слова описывают один и тот же факт и психологическое описание в таком случае не привносит ничего нового и, вероятно, является избыточным.

Между тем, совершенно очевидно, что имеют место случаи, когда определение результатов речевого воздействия значимо для расследования преступления и может быть осуществлено с использованием специальных познаний в области психологии. Продемонстрируем это на примере нескольких экспертных ситуаций.

В ст. 110 УК РФ («Доведение лица до самоубийства») в качестве способов совершения преступного деяния указаны такие действия, как угрозы и систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего (которое может быть осуществлено, например, при помощи оскорблений [Комментарий к Уголовному кодексу 2023: 198]). Предположим такую ситуацию, когда совершению самоубийства (или попытке его совершения) предшествовала коммуникация между обвиняемым и потерпевшим, которая зафиксирована и может быть подвергнута экспертному анализу. В данном случае возможно проведение исследования одного и того же массива коммуникативных актов как экспертом-психологом, так и лингвистом, при этом эксперты будут рассматривать данный объект в разных аспектах. Психолог устанавливает психическое состояние потерпевшего и наличие/отсутствие причинно-следственной связи между речевыми действиями обвиняемого (угрозами, оскорблениями) и психическим состоянием потерпевшего. Исследуемые коммуникативные акты в этом случае служат одним из источников информации (наряду с иными источниками) об эмоциональном и психическом состоянии потерпевшего, а также о реакциях потерпевшего на речевые действия обвиняемого. Лингвист, в свою очередь, может определить, являются ли речевые действия обвиняемого угрозами, оскорблениями (коммуникативный акт в этом случае является непосредственным объектом лингвистического исследования).

В ст. 107 УК РФ («Убийство, совершенное в состоянии аффекта») в качестве одного из обстоятельств, вызывающих состояния аффекта и провоцирующих поведение обвиняемого, названо тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего. В случае, когда совершению убийства предшествовала коммуникация между потерпевшим и обвиняемым, которая зафиксирована и может быть подвергнута экспертному анализу, также имеет место психологический и лингвистический предмет исследования. Психолог устанавливает эмоциональное состояние обвиняемого в момент совершения преступления и наличие причинно-следственной связи между этим эмоциональным состоянием и действиями потерпевшего (коммуникативный акт является лишь одним из источников информации об объекте исследования – эмоциональном, психическом состоянии и реакциях участников коммуникации); лингвист же определяет (если окажется, что его участие все-таки необходимо), являются ли речевые действия обвиняемого оскорблениями. При этом оценка степени тяжести оскорбления, спровоцировавшего аффективное состояние – прерогатива органов следствия и суда [Комментарий к Уголовному кодексу 2023: 195]. Хотя субъективные факторы, значимые для оценки степени тяжести вреда, на наш взгляд, могут быть также установлены с использованием специальных познаний в области психологии (например, путем очного освидетельствования подэкспертного и определения степени, глубины и длительности изменений психической деятельности, возникших в результате речевых или иных действий потерпевшего).

Аналогичным образом обстоит дело при рассмотрении гражданских дел по ст. 152 ГК РФ («Защита чести, достоинства и деловой репутации») и ст. 151 ГК РФ («Компенсация морального вреда»). В случае, когда моральный вред нанесен путем распространения порочащих сведений, целесообразно проведение комплексной психолого-лингвистической экспертизы, в ходе которой лингвист устанавливает юридически значимые признаки речевого произведения (наличие или отсутствие негативной информации об истце, выраженной в форме утверждения о фактах), а психолог устанавливает факт причинения морального вреда (определяет наличие или отсутствие изменений в психической деятельности истца, их степень, глубину и длительность, а также наличие или отсутствие причинно-следственной связи между данными изменениями и действиями ответчика).

В заключение отметим, что круг вопросов, касающихся участия психолога в проведении экспертизы текста, не ограничивается предложенными в данной работе. К примеру, неразрешенным и требующим обсуждения, на наш взгляд, является также вопрос о методах психологической экспертизы текста. Предлагаемые методы (мотивационно-целевой анализ текста, контент-анализ, интент-анализ, психологический критериально-ориентированный анализ текста) используются в социологии, психологии и других науках для выявления и описания социально-психологических закономерностей, связанных с осуществлением коммуникативного взаимодействия (через анализ массива текстов исследователь получает данные об индивидуальных особенностях психической деятельности автора или о социальных нормах и ценностях). Закономерен вопрос об обоснованности и оправданности использования таких методов для решения диагностических задач по выявлению свойств конкретного текста, то есть задачи, которая предметно отличается от описанных социально-психологических исследований¹⁰.

¹⁰ Например, диагностика интолерантности в СМИ [Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ 2012] предполагает установление социального состояния (ценностей), выраженного в СМИ, а не исследование содержания и коммуникативных целей в конкретном тексте. Следует при этом отметить, такого рода научные исследования, безусловно, могут быть полезны для проведения экспертизы. Так, в теоретических исследованиях могут быть установлены эмпирические закономерности эффективности тех или иных речевых приемов воздействия, которые в последующем будут использоваться при проведении анализа конкретных текстов.

Литература

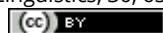
- Бринев К. И. Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма / определение понятия «Социальная группа» / Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № (2). – С. 117-123.
- Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография. М., 2017.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. М., 2023.
- Кроз М. В., Ратинова Н. А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М., 2005.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2022.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.
- Леонтьев А. А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / Под ред. А. С. Маркосян, Д. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина. М., 2019.
- Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 2005.
- Сборник примеров заключений эксперта по результатам судебной психологической экспертизы информационных материалов и психолого-лингвистической экспертизы: практическое пособие для экспертов / под. Ред. Т.Н. Секераж, В.О. Кузнецова. М., 2020.
- Секераж Т. Н. Психологическое исследование информационных материалов: становление нового вида судебной психологической экспертизы и новой экспертной специальности / Теория и практика судебной экспертизы. – 2019. – № 14(1). – С. 35-43.
- Секераж Т. Н. Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: теория и практика: монография. М., 2021.
- Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики. М., 2004.

References

- Brinev, K. I. (2012). Methodological Problems of Linguistic Expertise: Definition of the Essence of Extremism / Definition of the Social Group Concept. Bulletin of Kemerovo State University, 2, 117-123 (in Russian).
- Brinev, K. I. (2017). Forensic Linguistic Expertise: Methodology and Techniques: Monograph. Moscow (in Russian).
- Collection of Examples of Expert Conclusions on the Results of Forensic Psychological Expertise of Information Materials and Psychological-Linguistic Expertise: Practical Manual for Experts (2020). T.N. Sekerazh, V.O. Kuznetsov (Ed.). Moscow (in Russian).
- Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (2023). G.A. Esakov (Ed.). Moscow (in Russian).
- Hidden Emotional Content of Media Texts and Methods of its Objective Diagnostics (2004). Moscow (in Russian).
- Kroz, M. V., Ratinova, N. A. (2005). Socio-Psychological and Legal Aspects of Xenophobia. Moscow (in Russian).
- Kukushkina, O. V., Safonova, Y. A., Sekerazh, T. N. (2011). Theoretical and Methodological Foundations of Forensic Psychological and Linguistic Expertise of Texts in Cases Related to Countering Extremism. Moscow (in Russian).
- Kukushkina, O. V., Safonova, Y. A., Sekerazh, T. N. (2022). Methodology of Conducting Complex Forensic Psychological and Linguistic Expertise in Cases Related to Countering Extremism and Terrorism. Moscow (in Russian).
- Leontiev, A. A. (2019). Applied Psycholinguistics of Speech Communication and Mass Communication. Moscow (in Russian).
- Ratinov, A. R., Kroz, M. V., Ratinova, N. A. (2005). Liability for Incitement to Hostility and Hatred. Psychological and Legal Characteristics. Moscow (in Russian).
- Sekerazh, T. N. (2019). Psychological Study of Information Materials: Formation of a New Type of Forensic Psychological Expertise and a New Expert Specialty. Theory and Practice of Forensic Expertise, 14 (1), 35-43.
- Sekerazh, T. N. (2021). Forensic Psychological Expertise of Information Materials: Theory and Practice: Monograph. Moscow (in Russian).

Citation:

- Бринев К.И., Куликова М.Г. О некоторых проблемах, связанных с производством комплексной психолого-лингвистической экспертизы продуктов речевой деятельности // Юрислингвистика. – 2023. – 30. – С. 65-70.
- Brinev K.I., Kulikova M.G. (2023) On Some Issues of Comprehensive Psychological and Linguistic Expertise of Speech Products. Legal Linguistics, 30, 65-70.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License